

Императорский Храм Предков, изнывая в огне, стонал, медные колокольца под взметнувшимися карнизами давно уже умолкли, оставив лишь пепел, похожий на снег, что хлопьями падал на сизые каменные ступени. Се Линь стоял посреди моря огня, драконье халаты трепетали на ветру, но уже были изодраны наполовину, манжеты обагрены кровью, а кончики пальцев испачканы чернилами — не киноварью, а горячей, еще не застывшей кровью.

Семьдесят два свистка кровавой летописи взмыли ввысь вслед за ветром, словно бабочки, словно заклятие, словно вздохи бесчисленных усопших душ, кружась и улета в ночное небо. Простые люди высыпали из переулков, задирая головы, протягивая руки, ловя обагренные бумажные листы. Кто-то узнавал имена предков, кто-то со слезами на глазах понимал истинную причину гибели отца и братьев, кто-то прижимал кровавую летопись к груди, словно защищая младенца.

— Это не воля небес, а людское бедствие.

Се Линь поднял кисть, обмакнул ее в кровь и на главной стене Императорского Храма Предков вывел эту строку. Кончик кисти был острый, как меч, каждое слово — словно железный гвоздь, вонзившийся в самый позвоночник императорской власти. Чернила еще не высохли, а огонь уже добрался до балок и колонн, обжигая лицо жаром, но он оставался неподвижен.

Свистящая стрела сорвалась из темноты, целясь прямо ему в спину.

Вспыхнул клинок, подобный зимнему инею под луной.

Цзэнь Чжао заслонил его собой.

Наконечник стрелы вошел в плечо, кровь мгновенно пропитала белоснежные чиновничьи одежды, распутившись, словно внезапно раскрывшийся цветок красной сливы. Он не издал ни звука, лишь вонзил меч в каменные плиты, удерживая равновесие, из уголка его рта сочилась кровь, но он все равно с улыбкой смотрел на Се Линя.

— Ты... зачем пришел? — голос Се Линя звучал хрипло, совсем не по-своему.

— Ты пишешь историю, — тихо проговорил Цзэнь Чжао, — а я защищаю тебя, и это долг чести.

Се Линь резко развернулся и крепко прижал его к груди, их одежды окрасились кровью насквозь. Цзэнь Чжао прислонился к его плечу, дыхание было едва заметным, ресницы легко трепетали, но он все еще смотрел на ту стену, на ту строку.

— Пиши... — пробормотал он. — Допишешь, и я пойду с тобой в следующую династию.

Се Линь закрыл глаза, одинокая слеза скатилась вниз, упала на кровавые иероглифы и превратилась в еще более глубокий, темный цвет.

Он занес кисть, ее кончик замер над вершиной стены и долго не опускался.

Отсветы пламени отражались на его бледном лице, а в глазах Цэнь Чжао сиял мягкий, почти дарующий освобождение свет улыбки.

Наконец он опустил кисть.

Последняя строка медленно проступила на стене, подобно повернувшей вспять реке крови, подобно вернувшейся на свое место душе:

— Се Линь и Цэнь Чжао вместе пишут эту историю, не спрашивая о будущей жизни, борясь лишь за нынешнюю.

Перо замерло, чернила застыли.

Ветер внезапно стих.

Но огонь взметнулся с новой силой, словно разгневанное божество, поглощая балки, резные окна, узоры в виде драконов и нефритовые ступени. Императорский Храм Предков рушился в языках пламени, однако никто не отступил назад. Простые люди опустились на колени, касаясь лбами земли, и вслух читали кровавую летопись; их голоса нарастали от тихих до громких, от одиночных до всеобщих, сливаясь в единый бурный поток, устремляющийся прямо в небеса.

— Се Линь... Цэнь Чжао... вместе пишут эту историю... не спрашивая о будущей жизни... борясь лишь за нынешнюю...

Спотыкаясь, Сын Неба выбежал к дворцовым воротам, его золотая корона перекосилась, драконий халат был измазан в саже, в руке он сжимал половину разбитой императорской печати и иступленно вопил:

— Се Линь! Ты сошел с ума! Ты же сам отрезал себя от небес!

Се Линь медленно повернулся. В окровавленной руке он держал кисть, его одежды были разодраны в клочья, но сам он выглядел словно сошедшее с небес божество.

— Ты можешь сбежать с трона, — голос его звучал спокойно, но каждое слово разило, словно клинок, — неужели ты думаешь, что сбежишь от истории?

Зрачки Сына Неба сузились в ужасе, он попятился, спотыкаясь, императорская печать выпала из его рук, со звоном ударившись оземь и расколовшись надвое.

Цэнь Чжао слабо улыбнулся в его объятиях, его дыхание было хрупким, как пламя свечи:

— ...Как хорошо.

Се Линь опустился ниже и поцеловал его обгаренный кровью лоб.

— Пойдем.

Языки пламени пожрали последнюю балку, и Императорский Храм Предков с грохотом обрушился. Сквозь дым и пыль две фигуры слились в объятиях, одежды обращались в пепел, а листы кровавой летописи, словно свиток, медленно поднимались вверх, превращаясь в ярко-красный световой след, устремившийся прямо к Млечному Пути.

Весь город опустился на колени в едином поклоне.

Никто больше не называл их безумцами.

Никто больше не называл их мятежниками.

В руках они сжимали написанную кровью правду.

На устах они повторяли созданную людьми историю.

На самом краю огня в ветре слышался тихий шепот — то ли это веял ветер, то ли отлетала душа, то ли доносился голос бессмертного летописца:

— История никогда не пишется теми, кто восседает на троне.

— Ее высекают те, кто стоял на коленях, отдавая за это свои жизни, слово за словом.

Кровавая летопись взмыла ввысь, подобно искрам, что зажигают степной пожар.

А над руинами Императорского Храма Предков осталась лишь одна полуразрушенная стена, на которой ярко и не угасая горели семь кровавых иероглифов.

— Се Линь и Цэнь Чжао вместе пишут эту историю, не спрашивая о будущей жизни, борясь лишь за нынешнюю.